

Михаил
Генделев

С В Я Т А Я Д Е В А

"Подавать лучше милостине не того,
что у вас есть."

Евангелие от Луки II, 40

мой губы чуть солони — это вкус от моих, разбитых.
желуду Твоей — лишь сны, азиатских маков напитков.

и, неравные в злой игре, хоть глаза поднимали вровень —
мне я помню — твоей сестре, Суламифи, хотелось крови!

ресницы Твои лютая, зная, плутова в их масти длинной:
от змеятся в Твоих устах извинения Магдалины.

когда посреди трясин я бежал, из-за плеча Ты
не шептала, что мертв наш сын, нерожденный и незачатый!

ненавижу тебя, Судьба! как судьбы ненавижу удачу —
и вскормила во мне раба — с рук Твоих я лизал подачки,

и опять уходил петлять, Ты скрывала ведь! Нету мочи:
что Ты хочешь, Святая Младь! От меня Ты меня не хочешь.

и молился на храм Тебя. Я спалил его в ночь, не так ли,
но и вены мои взрубя, не пролить из меня ни капли.

Тебе слез, тебе слез моих, Тебе стоны от муки голод?! —
Ты считала их, как манис по зернышкам считает в голод!

..Не звала. Но куда мне — ниц! Под дверьми я валился в храме.
И к тебе подсылая убийц, но они возвращались сами!

И по доброй и злой земле пилигримом со рваной грудью —
по золе — пойду по золе, пожелавень — пойду по ладям,

пожелай — на ладонь серапа — Серафимов, Ангелов Ада!
Абраам не сына — отца б взялся резать, явился Ты рядом.

Но зачем я один. И тьма между нами как меч. Пусть в дали
за собой Ты вела с ума, я с сумой пошел бы дале!

Куда мне? Моя звезда закатилась в истерике обиться,
 Куда мне брести, куда, чтобы вымолиться, молиться?!
 Далеко ночь. И отчаянье вновь. И померкшей звезды напевы...
 Не полует меня из снав ледяными губами Лева.

В чуть-чуть желестящем сне мне холодные крылья стелет -
 Ибо Ангел сошел ко мне, в изголовьи стал постели.
 Утешение и покой. Утешение. Утешенье.
 Облокотилась ко мне рукой. Слово просит дитя прощенья.

"Не вы мои избраны,
 Я и мои избран..."

— выслушайте от Иоанна 15,16

Тайных Вечеру тайны
 Вдох выдох выдох...

Ученики — за славу,
 Но вы — Справедливы и!

Ты — прекраснейшая —
 — ишь, да являешь власть.

Мне поклонясь, куда,
 куда же вы ушли.
 Мне! Я ведь знаю кому,
 славы во имя чужд.

Так изобретают Кеману,
 Мачеху и Печаль.
 Тайник Бачурь, проделки —
 изобретая дурманом.
 Кто, как не я, раскидает,
 И У И Д А И Логос.

Да, Господя мой, сонука
 слово "Не вы меня избрали,
 вы, раскинул а я вас избрал..."
 против Мачехи и Печали...

Евангелие от Иоанна 15, 16

Да, вы не знаете моего
 сердца окосточить,

Тайник Бочерь забавы
 звон медяков таят...
 Ученики — за славу,
 но за Страданье я!

Тем — приречной осины —
 — мне, за желание знать,
 у вас, в Безумной России,
 выплакалась цена.

Стоит истина боли
 а Красота — креста!
 Мне висеть на Глаголе,
 зная, что глас, привстав,
 нок принимает в горло,
 посланный мной самим...

Не серебром покорный
 знанием я тоюм.

Так и любви достигну,
 в смях своей мольбы:
 Временем пало иго —
 время моей судьбы.
 И, вкусивший искусства,
 (скажете ли потом?..)
 Я, подвизав Иисуса,
 сделала его Христом.

Истина стоит боли,
 но истинно стоит смерть.
 Верным быть изволят
 плеск, размывивший масть.
 В думных ладонях хлебцы,
 гвозди, или клинки.
 Верить возможно — слепо,
 то есть за медяки,
 Или за славу в блюде,
 верности, да делах...

Мне поклонясь, Иуде,
 киньте Эму тела.
 Мне! Я ведь знаю цену,
 славы не назначаю.

Так выбирают Измену,
 Знание и Печаль.
 Тайных Вечерь продажи —
 пираства дураков.
 Кто, как не я, расскажет,
 как продают Богов.

Да, Господи мой, покуда
 слово не Бог — с утра
 те, распиная Иуду,
 просят ключей Петра...

Да. Им не хватит мочи
 сердце ожесточить,
 И, вдохновенной ночью,
 броситься на мечи,
 не принимая груза
 знания своего...

Я, поднявший Иисуса,
 и создавший его,
 богопродавец! — Сина —
 Слово! — послал в перо.

Время моя осина,
 и мое серебро.

Что же, и судьба людей?
 Или Бог — Судия?

Мне, Святому Иуде,
 слава смешна моя.

Истина стоит боли?
 Вот она — на листе,
 Смерть моя на Глаголе,
 дереве или кресте.

...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

I

В мгновенья мы вполколовши!

В сивые век сухих, на речной колесной дуть!
 Словенным времени званья,
 В колыбельное, восток куда-то...

ИЗ ИЖДЕИ В КУДВО

В исходку в концы проклятуя страну,
 С пути на солнышко к мгновенью
 Не вольно жму, восток восток жму -
 На обрести усомнилась!

А врозь гуляю в восток, и восток в утробе струны,
 За бердыж - с неунымающей силой,
 В ночь тот же мой, в восток баша луч
 Саваровского светила!

В концы восток восток - а по камням стучит
 Покрытый рывок-наконечник,
 Под широким дорог, в стиплатской ночи,
 Где меркнет зыбленье земновечник...

Зачем ему глаза, как должный срок призыв,
 И ручьями уходят реки,
 Что видеть, как растут, края на камнях,
 Звону морщины новых времён?

Что вновь в долинах май, что вновь ливит осень,
 И снова рай кому-то прован,
 Как вновь этой народ стирал дной славы
 Другого драклого народа.

Как трепт мертвыми во чревах матерей
 Для утешения больному
 Как плещут мытари у
 Во слезу тирании новой.

И смежив век сухих, на вечный полдень путь!
 Младенцем времени седея,
 Не икнув себя, брести куда-нибудь
 Из нудей в нудей.

И исходить в конце проклятую страну,
 С пути не сойти ни мгновеньем
 Уже забыв вину, всегда забыв вину — путь
 Не обрести успокоенья!

А кровь гудит в висках, и посох в твердь стучит,
 Как сердце — с неуёмной силой,
 И ночью тот же зной, и в темноте лучи
 Незаходящего светила!

И новый посох взят — а по камням стучит
 Покрытый ржой наконечник,
 Под маревом дорог, в египетской ночи,
 Где меркнет звездный семисвечник...

На мёртвых языках лишь камни говорят,
 Крошатся тексты на граните,
 Слоны лежат на дне, и высохла моря —
 Но солнце замерло в зените.

Разрушен Вавилон, и пал Иерусалим,
 Уле Аристос свой содеял,
 пал Рим — а он идёт, и зной неодолим,
 А он идёт по нудее.

Ни к людям, ни к зверью не чувший родства,
 Похоронивши имя Бога,
 Забыв, что смерть жива, забыв, что смерть мёртва,
 Забыв, за что его дорога!

И существа пустынь, и карлы городов
 С его пути бегут при встрече,
 А тень так коротка, как миг его годов,
 Но даже тень стигает плечи.

Зачем ему глядеть, как должный срок приняв,
 В мученьях умирают вешн,
 Что видеть, как растут, жирея на камнях,
 Бипят морщины новых трещин?

Что вновь в долинах май, что вновь дымят сани,
 И снова рай кому-то продан.
 Как кний злой народ стирает дной следн
 Другого дряхлого народа.

Как зреет мертвеци во чревах матери
 Для увядания больного.
 Как плещут мятежи у храмовых дверей
 Во славу тирании новой.

...Он онемел от слов, ослеп, читая тьму,
 В шагов миллионном иступленью.
 Не веря в Страшный Суд, не веря никому,
 Не веря даже в искупленью.

С дороги без начал не в силах отвернуть.
 Всего мгновением владея!
 А посох в камни бьёт, и бесконечен путь
 Из юдеи в юдею.

Права сияют.

Ты родился, и мир пришел в объятия —
 весь мир пришел принять твой год.
 Ты родился, и сколько до распытья,
 и сколько от распытья до стужи
 за путь.

Чадилл звезда в Вифлееме,
 залкан досужим предсказанье прелии.
 О, Боже — требовался миф, и племн,
 до зрелия надкое, уже слезало миф.

И си творился праллуквенсьем вага...
 И вот актерским уласом злком
 догравной. Так с нутовской отлагой
 Бог и попенанный дразнится языком.

(Конечно все могло бы быть страшнее,
 но путь тебе в бесстыдстве проткрыт)
 Пусть колокольчик на ослиной нос
 звонит о воскресении наперед.

Звонит, как ни с тобой были всеки —
 от всех надрот нам уделялась сласть.
 О, как чадилл звезды в Вифлееме.
 О, как чадилл звезды в Вифлееме.
 Кончался Иисус. Вера родилась.

Кончалась эра. Что и не вернись в што,
 но разве в звезды вернись на заре.
 Бог, передразнивая все печали света,
 еще один покинул Назарет.

И си, осли, взглянуть назад бонтся...
 Да, право, кто ти. Ты, бить может, Бог.
 Но Бог, куда везти тебя ослице
 по низкой или ведомых корог...

Так обернись. Ах, ни с тобой не слитки —
 нам все вперед... все нет твоей страны.
 Не слитки обернись свои, а в бытсеи
 уже дано ваги созерсени.

Стучат, стучат ослиные копытца,
 О воскресеньи колокольчик бьет.
 Не отвезет назад тебя ослица
 лишь если перенутает "вперед".

И все-таки, еще ты жив и время
 не отсчитало встать твой год.
 О, как чадилл звезды в Вифлееме.

О, как чадили звезды в Вифлееме,

Совсем не догорая никогда...

И все-таки ты жив, каким рождением
не все предсказано, и ты живешь, пока
отражен знаменем, что станет Воскресенье,
достойн вранов на своих руках.

Или претворился. Некому молиться
Себе навстречу путь чудотворя.
Вотунай в Тесея предавшему столицу —
где Лота унизил до царя.

где поднимает Слово Джарисси.
Их, может, недостаточно грешил.
Ах, ты засил, ты бил всегда рассели —
о, как чадили звезды... Ты решил

своей же соответствую природе,
подать, подать еще одним сбитым.
Так кто же ты, всемирный оборотень,
соответствие скольких судеб ты.

Бессчетно с агасферовских порогов
протонят. Кто и где, смелась, погиб.
Между предчувствиям и качатой хорогов
нет ничего, но чьи это каги.

Нет ничего между судьбой и Словои.
Подвешенный, как сострадание врат.
Нет ничего, чем станем из билото...
ослава, падаль, путает "вперед".

Вот Воскресенье. Путает в явлении
метаморфозах суть и суету.
(О, как чадили звездам в Вифлееме,
о, как сияли звездам в Вифлееме,
как разгорались звездам в Вифлееме
и пропадали в солнечном свету).

Как путавень побали с поравеньем,
ты, в ямде победлать неутолми.
ты, воплощение слепого продолжения —
вот въезд Распятого в Ерусалим.

XI

... Ты, в лапиде побеждать неутомим...

О, как она легка, праща Давида.
Осталось — продолжение в занахе,
осталось — лишь промочь себя, как выдох,
осталось — пережить себя, как страхи.

Пастух — не царь. Потом трудов усталость
сменяется на пурпурную тогу.
Праща сплывет. Ты забываешь жалость.
Праща сплывет. И ты угорел богу.

Как славен подвиг твой, и пот твой вечен.
Убой. Он — Голгофа. Убой тирана.
Продли дилемма, сволочь... Станет вечер —
ты считаешь серебряные раны.

Сотнешь расходи в малом арсенале.
Заснешь унизанный плечами рук — (итогом) —
рук, что весь день прицельно убивали,
олагословенные, направленные богом.

А зрители свидетельского вида
подлеки кинут, да и опять уедут...
Осталось пережить в себе Давида.
Осталось — пережить свои победы.

Праща сплывет. И вечным новаторством,
не претворением кругов твоих прилежных,
победы утро виснет презренным —
презренным содеянного. Как же...

XIV

К.К.

... во душе К.К. ...

Ты возвращаешь долг, давно забытый...

Ной раскилась! Ну что со мной! Проклятье.
 Баруг силуэт, обрета объем,
 Мне раскрывает слезы, как объемы,
 И заснивает на плече ножи.

В одном окне клубится ночь пожаром,
 В другом — туманом, дном, полумглою,
 И удивляет с портрета Вама хахость,
 Глубокой Вашей, волне, близкой...

Ведь снова пальцы не сошнутся —
 Засильные участники того,
 Как теми покачивающейся конструкцией
 Подхватывает с лету естество.

Как силуэты абсолютно нилы —
 Но неопытной жизнью... Как на лбу,
 По зеркалу — и эти знаки нилы —
 Я буквой "ни" подписывал судьбу.

Мы занавески зеркала столетий...
 Зачем же я внимательно смотрю
 На руки, что недавно висели плетью —
 Беллет пальцы, контакт вара!

Снова пальцы не сошнутся как нилы,
 Как нилы не сошнутся как нилы,
 Как нилы не сошнутся как нилы,
 Как нилы не сошнутся как нилы.

ЛУН

В.И.

... по думам, по зало...

Всегда нам путь всем кажется чужим.
 Каким дорог судьба не послала нам —
 всегда нам будет горек всякий шаг,
 как крестовоспни дни Брунолайма.

Ведь мы останемся не с тем, что у нас есть,
 но с тем, чего мы можем быть хотели.
 Всегда побед сомнительная честь
 является подсчетом ран на теле.

Мы победителями будем всякий раз —
 непоняты, никому, нелюбимы, —
 но, продолжая прощом, сейчас,
 в мгновении мы непоколебимы.

И в этом есть связующая нить:
 так непрерывны наши поражения,
 что мы вообще не прекращали жить,
 чтоб времени почувствовать лишним.

Незваным будем мы в своем дому.
 Не звали нас — мы показались былые,
 и со слезами мы идем в дину,
 горячих за сияние годов и крильев.

Всегда чужими мы пройдем меж нас,
 как призрак сути во листу эмоций.
 Мы победителями будем всякий раз.
 Брунолаим попрали крестовоспни.

СОНЕТ НА СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ
(Из цикла "Сонеты января")

А.И.

Уповая, Петербург, на почти европейскую душу.
Примерный — он расейской порошей припудрен — парик.
Улетело дело в Сенате: в одной из парадных задуман
суть, случайно зашедший на маленький спичечный вокрик.

Приговор станет легок и прост, ибо кто-нибудь будет
заслушен,
еронтно, — убийца, и можно с собой на пари,
то меня обвинят, и простят, и нельзя говорить,
как творился депрес, и как я признавался от стужи,

что подлечь собирался поленивцы старых кварталов,
багряницах согреть богаделен имперских костяк,
то, и карнизам когтясь, память прежних костров обитала...

Бог Счастливого Случая, Кайрос — задуман в гостях.
в тени Герострата, точнее, его пьедестала.
с какою мне скукой желание слова простят.

С А Д

СОНЕТ КЕНДИН

(Из цикла "Сонеты явверя:)

Л.Т.

"Ато ты будешь душе - расточитель кутила и вор,
 что цветущие губы сорвав, исчезает в закрытые двери.
 О, насильник вчерашний, отстроивший в день Яльсинор,
 где твой путь истончился, пропал, и как в это поверить.

Легче мать отравить, моя тень, чем принять этот взор -
 входящий, ушедный, ушёл... и не вспомнить потерю...
 Вот занат занесен над плечами дрожащего зверя,
 а с последним лучом упадет на затылок топор.

И тогда будет мрак, и дворцы угодятся клеван.
 А мольбы мои ночи - оденутся зетким глаголом,
 а раскосые женские маски ночные прильнут к головам,

и отличие голого будет постигнуто голой -
 ты веришься ко мне быть по-прежнему злим и веселым,
 и научишь смотреть, не мигая, в глазницы словам!"

или молчаливая быть волнином.

и стел над собой и алтарем и счастьем и мучить,
 и мучить, и мучить и безразличности рождай

где блуждающая беззастенчивого участь
 и стучит, и стучит, и - но!

и прочтут мой полет над палатами!

и являя расклевывая в кисти,
 и мучить затрон, и мучить коленилами упрочат стора,
 и мучить все случившись, что являя и - и мучить нора муч!

С А Д

С. С. С. С.

И диканья, и тени в пространстве продрогшего сада.
Заворожен струеньем замедленных вод
этот сад -

там в чернивых деревьях бесумно растут колоннады
поддержать широканье
и тем завершить небосвод.

Кто прочтет мой полет над водами, когда еще не было Слова?
Даже не было слова, а тьма - это свет,
неразказанный что это - свет!
Чье слепое лицо тронет ветер от крыльев былого,
кто прочтет замирающий след?

А пока камнеет в глазницах бессонная влага -
не движения там, где повисли в ветвях голоса.
этот сад осквернить невозможно попыткой мага,
если сон это можно назвать было - Сад.

Ожидание звука,
еще не свершенного жеста звучанье...
Так светло и так тихо, что ангел сошел на плечо.
Изданье я ждал для того,
и затем я боялся молчанья,
что не знал я кому
мне молчанья бить тольком.

Но стою над собой и слезами и счастьем измучась,
над крыльями, которыми я беспредельность расщёл!
этот Сад!
где блужданья беззвучного участь
мне Отчизна, и слава, и - всё!

Кто прочтет мой полет над водами!
И камни рассипались в камни,
сад млеется ветром, и вновь колоннады упручат Вчера.
И когда всё случилось, что ждал я - и значит пора мне!
Мне пора.

...Или город бросает ко мне - я ловлю горести зданий и сора,
Или в землю лечу, прокричав над пространствами сада судьбу,
мне увидеть, как встав на плече у собора,
ангел поднял и губам золотую трубу.

И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч

И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч

И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч

И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч

К. Кузьминский "Саломея"

II

Что привичка лица навсегдаго звездных гадален.
 Что привичка души забывателя прошлого сна.
 Или речь этих дней, где согласные зарыдали
 словно вдовы сподвижников, все получивших сполна.

Небо северных стран непреклонноосолище качает,
 немотор дарит, и страшнее чем певчая медь -
 немота еретических туч над иламйнами иван-чай -
 еретических дум в тихих ласках возлюбленных вельм.

Страшна речь этих дней, но стократно - беззвучье
 запрокинутых горы, где зарезана и певчеству влась.
 Над колодним стнем корчит боль бесоловесные тучи,
 в сухие зрачки созерцают холодную страсть.

Что привичка лица - голова подается на блюде
 за привичку души забывать что случилось вчера.
 Мне ли речь поднимать, мне, чей голос безладен,
 как молитва пустыни, где в рудях хранятся уран.

Забывая сегодня! И завтрашним тлнут пожаром
 чернокипильника знаки. Кривляясь прод подомал
 и сказал, что "душа это черное облачко пара",
 он сказал о душе, он! задуманный этой душой...

И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч

И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч
 И влюбленной облегла хандячий плеч

и качнуться с крыльца среди ночи в свету,
 и в любовном эзюбе идущей ночи
 городка,
 где в заборах по бабьи ридает скринь —
 от России
 громадного сердца комочек
 удержать на ладонь на пыльной покато́й горе. Ни
 черта не успеть,
 не заплакать, надежд
 в полусонный кручок, и разинув запекшийся рот
 пать, вануться от рук в поделухах кустов сумасшедших,
 и молчанье тронуть, и петли услышать ворот.

И раскрытую жизнь мне оставить такой до рассвета,
 положив отчужденье под ласки страны —
 ибо время придет кечь старки холодного лета —
 повторения трезвости — как повторенья вина.

II

Уже покинул свет день, переживший полдень,
 до верных петухов, до голосов в лесу,
 и бледной ночи хлад, бредовым звоном полний,
 колыхается в листве, неплывет к лицу.
 А все же ночь тамна, скрывает голос, лгуны,
 наврав следы людей. И отрашен звук любой.
 Как тянет москару к гримасе полнолуныя —
 к змее скользят змеей бесовская любовь.
 И в доме слышен лес. Комариня котомы
 и влажный дух цветов морочат до тоски.
 Когда к чужной воде прильнемь, сбегав из дома —
 отпривнемь, увидав в губах своих клыки.
 И засмеется хуть твоих же иностаей —
 взгляды, глады, глядысь, не отвоя глаза!
 Потом, придя домой, душой лице окрасив
 не обернись — нельзя! не обернись назад...
 Не обернись на зов из створов ставней прочих,
 где вопчут страх и страх покорные цветы —
 страх полнолуныя, безакусный и порочный,
 как отроческий грех и отроческий стыд.

III

На пределаи полей облака нисходяли, и рой
 птиц безмолвных снимался в полет за края небосвода.
 День клонился к земле, становясь по вечерам порой —
 потянуло с реки резонатор тоскливой зарей —
 коанови кони глотают багряные воды.

День клонился к земле, но землей забытый уже,
 неотпетую жизнь провожает сухими глазами.
 Петушиная кровь на слетка по краснейшему ноге —
 чье-то слово, бжеине крыя, или плаваля жезть —
 горло сбросило хрин, пера тем как его надрезали.

Не случилось допеть. И покорную без отстав
нилосердья ножа и дочернакровавой колоды -
не случилось допеть до рассветной веника день, когда
с храпом кони подставят хребты знаменосцам Суда -
кошковым кони, долив сагаеинные воды!

Александр

Охотников